

Научная статья

УДК 332.14

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/035-048>

EDN: <https://elibrary.ru/TIGIUO>

Донецкая Народная Республика в системе стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации: институциональный анализ*

Котов Евгений Валериевич

Донецкий филиал РАНХиГС

Донецк. Россия

***Аннотация.** Объектом исследования является система документов стратегического планирования социально-экономического развития Донецкой Народной Республики (ДНР) в составе Российской Федерации. Предметом исследования выступает институциональная конфигурация этой системы применительно к ДНР. Цель работы – сформировать комплексное понимание места ДНР в федеральной системе стратегического планирования, выявить содержательные, методологические и институциональные пробелы действующих документов и разработать конкретные предложения по их устранению. Исследование основывается на методах системного анализа, контент-анализа нормативных правовых актов, компаративного анализа и временного картирования. Проведен системный анализ ключевых документов стратегического планирования социально-экономического развития России применительно к ДНР. Установлено, что в системе отсутствует субъектовая стратегия социально-экономического развития ДНР. Это создает критический институциональный пробел: макрорегиональные ориентиры не доводятся до уровня региональной экономики, а программные мероприятия лишены долгосрочной стратегической основы. Наряду с этим выявлена горизонтальная несогласованность документов, создающая риски параллельного, а не синергетического действия государственной политики. Устранение данного пробела – необходимое условие работоспособности всей системы стратегического управления ДНР. Результаты исследования могут быть использованы при доработке нормативной базы регионального стратегического планирования ДНР, корректировке плана мероприятий Стратегии устойчивого развития Приазовья, разработке субъектовой стратегии социально-экономического развития ДНР, а также в сравнительных исследованиях институциональной интеграции новых субъектов РФ. Научная новизна состоит в выявлении критического институционального разрыва в системе стратегического планирования применительно к ДНР, выявленного на основе авторской системы критериев сравнительного анализа документов по уровням, функциям и степени субъектовой детализации.*

***Ключевые слова:** субъектовая стратегия, институциональный разрыв, новый субъект Российской Федерации, межуровневая координация, стратегическое планирование регионального развития*

***Для цитирования:** Котов Е. В. Донецкая Народная Республика в системе стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации: институциональный анализ // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 2. С. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/035-048>. EDN: <https://elibrary.ru/TIGIUO>*

* Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС «Факторы и механизмы управления социально-экономическим развитием нового субъекта Российской Федерации в условиях ограниченности ресурсов (на примере Донецкой Народной Республики).

© Котов Е. В., 2026

Original article

The Donetsk People's Republic within the strategic planning system for socio-economic development of the Russian Federation: an institutional analysis*

Yevgeny V. Kotov

Donetsk Branch of RANEPА

Donetsk, Russia

Abstract. *The object of this study is the system of strategic planning documents governing the socio-economic development of the Donetsk People's Republic as a constituent entity of the Russian Federation. The subject of the study is the institutional configuration of this system with respect to the DPR. The aim of the study is to develop a comprehensive understanding of the DPR's place in the federal strategic planning system, to identify substantive, methodological and institutional gaps in the existing documents, and to formulate concrete proposals for their elimination. The study employs methods of systems analysis, content analysis of regulatory legal acts, comparative analysis, and temporal mapping. A systematic analysis of key federal strategic planning documents pertaining to the DPR's socio-economic development has been conducted. It is established that the system contains a critical institutional gap, consisting in the absence of a subject-level socio-economic development strategy for the DPR, which renders the system a construct with a missing tier – one in which macro-regional orientations are not translated into the specifics of the regional economy, and programmatic measures lack a long-term strategic framework. In addition, horizontal inconsistency among the documents has been identified, generating risks of parallel rather than synergistic operation of public policy instruments. In addition, horizontal inconsistency among the documents has been identified, generating risks of parallel rather than synergistic operation of public policy instruments. Addressing this gap is a prerequisite for the coherent functioning of the entire strategic governance system of the DPR. The findings may be applied in refining the regulatory framework for regional strategic planning in the DPR, adjusting the action plan of the Sustainable Development Strategy for the Azov Region, elaborating a subject-level socio-economic development strategy for the DPR, and conducting comparative studies of the institutional integration of new constituent entities of the Russian Federation. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of an interrelated set of federal and macro-regional strategic planning documents pertaining to the DPR, examined within their institutional hierarchy and the logic of inter-level coordination.*

Keywords: *subject-level strategy; institutional gap; new constituent entity of the Russian Federation; inter-level coordination; strategic planning of regional development*

For citation: *Kotov Ye. V. The Donetsk People's Republic within the strategic planning system for socio-economic development of the Russian Federation: an institutional analysis // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2026. Vol. 18, № 2. P. 35–48. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-2/035-048>. EDN: <https://elibrary.ru/TIGIUO>*

Введение

Вхождение Донецкой Народной Республики (ДНР) в состав Российской Федерации (РФ) в сентябре 2022 г. поставило перед системой государственного управления задачу, не имеющую прямых аналогов в новейшей истории России: включение региона с разрушенной экономикой, деградировавшей инфраструктурой, масштабными накопленными экологическими проблемами, высокой и устойчивой миграцией населения в другие регионы России [1] в действующую вертикаль стратегического планирования.

* This article was prepared as part of the RANXiGS state assignment "Factors and Mechanisms of Managing the Socioeconomic Development of a New Subject of the Russian Federation in Conditions of Limited Resources (on the Example of the Donetsk People's Republic)".

В 2023–2025 гг. был сформирован начальный контур федеральной системы стратегического планирования для новых субъектов [2–4], который определил образ статуса новых регионов в системе планирования социально-экономического развития России. Вопрос об их системном взаимодействии применительно к задачам развития ДНР остается неисследованным. Между тем именно от качества вертикальной и горизонтальной согласованности документов стратегического планирования зависит эффективность государственного управления территорией в период ее интеграции [5, 6]. В качестве рабочей гипотезы настоящего исследования выдвигается предположение о наличии институционального разрыва между уровнями целеполагания и программной реализации, обусловленного отсутствием самостоятельного документа стратегического планирования субъектового уровня. Проверка данной гипотезы требует системного анализа действующих нормативных актов в их иерархической взаимосвязи.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют методы системного анализа (для изучения взаимосвязей между рассматриваемыми документами стратегического планирования), контент-анализа нормативных правовых документов (позволил идентифицировать функциональные роли ДНР, а также содержательные противоречия и проблемы), компаративного анализа (для сопоставления рассматриваемых документов по степени детализации функциональных ролей и характеру инструментов применительно к ДНР) и временного картирования (для построения хронологии реализации ключевых мероприятий и выявления критических задержек).

В качестве нормативной рамки для оценки качества документов стратегического планирования применялись принципы, закрепленные в законе о стратегическом планировании [7]: прозрачность, реалистичность, ресурсная обеспеченность, измеримость целей и результатов. Дополнительным критерием выступала вертикальная согласованность документов – их взаимная непротиворечивость и логическая преемственность, которая рассматривалась в научных работах по региональному стратегическому планированию как необходимое условие результативности системы [5, 8, 9].

Обзор научной литературы по исследуемой проблеме

Проблематика стратегического пространственного планирования на уровне макрорегионов и их соотношения с субъектовым уровнем системно разработаны в статье [8]. В ней зафиксированы структурные недостатки, не устраненные ни в одной из редакций Стратегии пространственного развития РФ: декларативность целей, слабая операционализация приоритетов, отсутствие инструментов финансовой ответственности исполнителей, слабая связка между декларациями целей и измеримыми показателями. Последний тезис позволяет предположить, что агрегированные показатели в рамках макрорегиональных стратегий без детализации по субъектам затрудняют объективную оценку прогресса, что находит подтверждение в настоящей статье при анализе Стратегии Приазовья.

Е. М. Бухвальд в статье [10] показывает, что управление пространственным развитием страны остается преимущественно нормативным по форме при минимальной реальной координации между уровнями планирования. Данный тезис приобретает особую значимость применительно к ДНР, перед социально-экономической системой которой стоит задача встраивания сразу в различные уровни стратегического планирования.

Авторы статьи [11] отмечают слабую координацию документов стратегического планирования разных уровней, различия в структуре макрорегиональных стратегий, отсутствие в ряде из них самостоятельных разделов, посвященных пространственному развитию, недостаточную проработанность механизмов реализации, декларативность отдельных положений и слабую увязку целей с инструментами их достижения. В результате фиксируется методическая несогласованность документов стратегического планирования, что снижает эффективность реализации пространственной политики. В условиях отсутствия региональной стратегии социально-экономического развития ДНР данная проблема приобретает особенно острый характер, поскольку отсутствует ключевой документ, обеспечивающий институциональную увязку федеральных приоритетов и региональной политики развития.

П. И. Бурак в работе [12] обосновывает необходимость повышения степени институциональной связности стратегических документов и перехода к более жестко структурированной системе реализации стратегических решений. Данный вывод имеет прямое прикладное значение для ДНР, где существует риск декларативности стратегических документов, что требует выстраивания механизмов директивной ресурсной привязки стратегических ориентиров, межуровневой координации и этапной реализации.

Таким образом, анализ научных публикаций показывает, что в исследовательской литературе устойчиво фиксируются структурные проблемы российской системы стратегического планирования макрорегионального уровня: методическая несогласованность документов, недостаточная конкретизация индикаторов, слабая увязка целей и инструментов реализации, а также ограничения мониторинга на основе агрегированных показателей.

Анализ литературы не выявил комплексных исследований, рассматривающих совокупность взаимосвязанных документов стратегического планирования для ДНР в их институциональной иерархии. Настоящая статья восполняет этот пробел посредством системного анализа нормативных актов и выявления их структурной согласованности.

Основная часть

В институциональной динамике формирования нормативной рамки социально-экономического развития ДНР прослеживается последовательная, но разноразрядная логика закрепления ее статуса в системе стратегического планирования России (табл. 1).

**Сравнительная характеристика документов стратегического планирования
применительно к ДНР**

Документ	Уровень системы	Функция в логике 172-ФЗ [7]	Горизонт планирования	Степень субъектовой детализации	Основные выявленные ограничения
Государственная программа «Восстановление и социально-экономическое развитие ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей»	Федеральный уровень (программирование)	Реализация и ресурсное обеспечение	Средне-срочный	Высокая (по объектам и мероприятиям)	Отсутствие долгосрочной модели структурной трансформации
Стратегия пространственного развития РФ	Федеральное целеполагание	Рамочное пространственное целеполагание	Долгосрочный (до 2036 г.)	Низкая (агрегирование на уровне макрорегиона)	Отсутствие инструментов выравнивания стартовых условий
Стратегия устойчивого развития Приазовья	Макрорегиональный уровень	Отраслево-экологическое и пространственное целеполагание	Долгосрочный (до 2040 г.)	Ограниченная (без индикаторной детализации по ДНР)	Агрегированные показатели, временные разрывы, дефицит кадрового блока
Стратегия социально-экономического развития ДНР (отсутствует)	Субъектовый уровень	Трансляция федеральных приоритетов в региональную модель развития	Должен быть долгосрочный	Документ отсутствует	Отсутствие документа; институциональный разрыв

Источник: сост. автором по [2–4, 7].

Представленная в табл. 1 сравнительная характеристика позволяет выявить функциональную дифференциацию документов по уровням стратегического планирования и зафиксировать отсутствие субъектового звена в системе. Вместе с тем для понимания институциональной конфигурации применительно к ДНР важно отразить не только различия функций документов, но и их иерархическую взаимосвязь. С этой целью далее представлена схема институциональной структуры стратегического планирования, демонстрирующая логику межуровневой координации и возникающий институциональный разрыв (рис. 1).

Представленная схема показывает разрыв между уровнями целеполагания и программной реализации, обусловленный отсутствием субъектовой стратегии ДНР, что нарушает иерархическую полноту системы стратегического планирования.

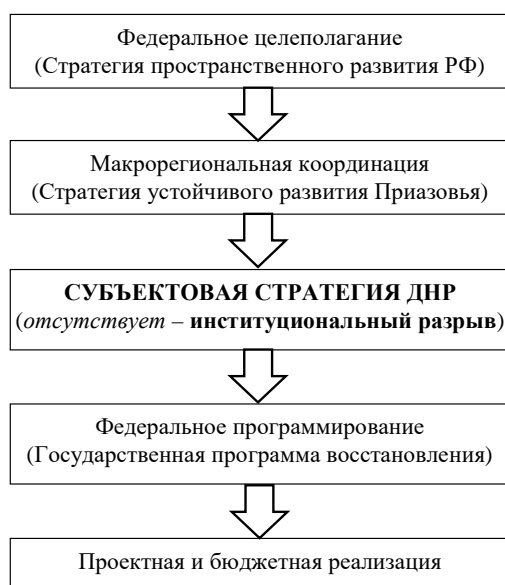

Рис. 1. Институциональная конфигурация системы стратегического планирования применительно к ДНР

Источник: сост. автором по [7].

В 2023 г. посредством государственной программы восстановления был осуществлен этап институционально-финансовой интеграции региона в единое бюджетное и управленческое пространство страны. В 2024 г. утверждение обновленной редакции Стратегии пространственного развития обеспечило пространственное позиционирование новых субъектов в системе национальных приоритетов территориального развития. В 2025 г. утверждение Стратегии устойчивого развития Приазовья конкретизировало экологические и отраслевые параметры развития региона в составе Азовского макрорегиона.

Проведенный анализ показывает, что в сложившейся конфигурации отсутствует самостоятельная стратегия социально-экономического развития ДНР как самостоятельного государства, так и субъекта РФ. В результате между федеральным и макрорегиональным уровнем целеполагания и программной реализацией мероприятий формируется промежуточный институциональный вакуум, не обеспеченный документом стратегического проектирования субъектового уровня. Данный вывод подтверждается отсутствием нормативного механизма трансляции макрорегиональных приоритетов в региональную модель долгосрочного развития.

Государственная программа восстановления новых субъектов: роль в системе планирования ДНР

Государственная программа является ключевым инструментом программной интеграции новых субъектов России в единое социально-экономическое и бюджетное пространство страны. Данный документ представляет собой первый федеральный программный акт комплексного характера, в котором ДНР рассматривается как субъект РФ в системе среднесрочного бюджетного и инфраструктурного планирования. Тем самым программа выполняет институциональную функцию закрепления статуса региона в механизмах государственного управления и межбюджетных отношений.

В системе документов стратегического планирования программа относится к уровню программирования и реализации государственной политики. В отличие от документов целеполагания и межрегиональных стратегий устойчивого развития государственная программа носит прикладной характер и ориентирована на достижение измеримых показателей восстановления инфраструктуры, жилищного фонда, социальных объектов и базовых условий функционирования экономики.

Функциональное разграничение между документами в целом соответствует логике стратегического планирования: стратегии формируют долгосрочные пространственные и отраслевые ориентиры, тогда как государственная программа обеспечивает ресурсное и проектное сопровождение восстановления. Однако временная несинхронность принятия документов и отсутствие последующей корректировки программы с учетом экологических и отраслевых приоритетов межрегиональной Стратегии Приазовья создают риск фрагментарности управленческих решений. При отсутствии механизмов актуализации возможна реализация параллельных, а не взаимодополняющих направлений государственной политики.

Существенным ограничением является также то, что государственная программа по своей природе ориентирована преимущественно на восстановление базового уровня функционирования региона. В ней не формулируется целостная модель долгосрочной структурной трансформации экономики ДНР. Между тем стратегия субъекта РФ должна определять траекторию перехода от восстановительного к трансформационному развитию, включая диверсификацию отраслевой структуры, снижение зависимости от угольно-металлургической специализации, развитие новых технологических направлений, формирование современной системы расселения и долгосрочные демографические ориентиры [12].

Стратегия пространственного развития РФ: место ДНР в макрорегиональной системе

Обновленная Стратегия пространственного развития институционально закрепила включение ДНР в макрорегион «Юг России», тем самым интегрировав ее в систему общенационального пространственного целеполагания, включая приоритеты территориального развития, инфраструктурные направления и систему макрорегиональных индикаторов. Формальное включение региона в состав макрорегиона имеет принципиальное значение, поскольку обеспечивает его

нормативное присутствие в федеральной модели пространственной организации экономики. Это создает предпосылки для участия в межрегиональных проектах, инфраструктурных инициативах и механизмах перераспределения ресурсов, предусмотренных логикой макрорегионального развития. Вместе с тем анализ положений Стратегии применительно к ДНР выявляет ряд методологических и институциональных ограничений.

Во-первых, интеграция новых субъектов в макрорегиональную структуру обозначена в документе как значимый вызов и одновременно как фактор расширения потенциала развития южного направления. Однако инструментарий выравнивания стартовых социально-экономических условий и сокращения структурного разрыва между ДНР и другими регионами макрорегиона «Юг России» в Стратегии детально не конкретизирован. Отсутствуют специальные механизмы компенсации инфраструктурной, демографической и инвестиционной асимметрии.

Во-вторых, система целевых показателей (в том числе показатели, приведенные в приложениях к Стратегии) агрегирована на уровне Российской Федерации и макрорегионов. Субъектовая детализация по отдельным регионам, включая ДНР, не представлена. Это затрудняет проведение адресного мониторинга динамики пространственной интеграции региона и оценку эффективности реализуемых мер именно на уровне ДНР [10].

В-третьих, документ предусматривает возможность разработки индивидуальных программ развития для отдельных территорий, однако не формализует обязательность подготовки самостоятельной стратегии или программы долгосрочного развития для ДНР, а также не устанавливает параметров ее содержания и сроков подготовки. В результате сохраняется неопределенность в вопросе институционального оформления регионального целеполагания.

Таким образом, выявленные ограничения корреспондируют с ранее описанными в научной литературе проблемами макрорегионального планирования [8, 10], однако применительно к ДНР они приобретают более выраженный институциональный характер. Если в иных субъектах РФ макрорегиональная агрегированность компенсируется наличием собственных стратегий социально-экономического развития, то в рассматриваемом случае отсутствие такого документа усиливает зависимость региона от федеральных рамочных решений и снижает степень автономности стратегического проектирования.

Стратегия устойчивого развития Приазовья: место в системе и системные пробелы применительно к ДНР

Данная стратегия является пока единственным действующим документом, в котором ДНР упоминается в контексте интегрированной системы развития территории. Документ корректно диагностирует экологические проблемы ДНР как структурные, обусловленные многолетней деятельностью угольной и металлургической промышленности, и формирует для региона три функциональные роли: объект комплексной экологической реабилитации, транспортно-логистический узел федерального значения, потенциальный туристско-рекреационный кластер.

Вместе с тем анализ плана мероприятий и целевых показателей выявляет семь системных пробелов документа. Выявленные пробелы систематизированы по трем основаниям: *содержательные недостатки* (отсутствие социально-экономической ориентации мероприятий, недостаточность программ развития человеческого капитала, риски исключения ДНР из рыбохозяйственного комплекса), *измерительные и временные недостатки* (агрегированность целевых показателей, критические временные разрывы) и *институциональные недостатки* (остаточный принцип финансирования, внутреннее противоречие в части авиационной инфраструктуры).

1. Отсутствие социально-экономической ориентации экологических мероприятий. Стратегия не устанавливает прямых связей между ликвидацией экологического ущерба и созданием рабочих мест и переподготовкой кадров. Для ДНР, переживающей структурный кризис угольной и металлургической промышленности, это упущенная возможность использовать экологическую реабилитацию как механизм экономической диверсификации.

2. Агрегированность целевых показателей без региональной детализации. Все три целевых индикатора устойчивого развития Приазовья установлены агрегированно для всей территории без дифференциации по субъектам. Требование конкретизации вытекает из принципа результативности государственного управления, чтобы не воспроизводить структурный недостаток, характерный для российских макрорегиональных стратегий [8].

3. Критические временные разрывы. Анализ плана мероприятий выявляет системные задержки между оценкой объектов накопленного вреда и их ликвидацией, запланированной не ранее 2030 г., что обуславливает риски необратимого ухудшения экологической ситуации. Данная темпоральная структура противоречит принципу упреждающего регионального управления [12].

4. Остаточный принцип финансирования. Пункт 2 распоряжения устанавливает финансирование «в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных ответственным исполнителям», что означает зависимость от ежегодного бюджетного процесса, а не от объективных потребностей Стратегии. Для ДНР, конкурирующей с регионами с более высоким бюджетным приоритетом, это создает риск хронического недофинансирования.

5. Недостаточность программ развития человеческого капитала и игнорирование демографических рисков. Стратегия содержит лишь три мероприятия по кадровому обеспечению, все – в рыбохозяйственном комплексе (п. 51–53). Отсутствуют программы подготовки кадров для экологических мероприятий, туристической индустрии, модернизации ЖКХ и управления охраняемыми природными территориями. При этом документ полностью игнорирует демографическое измерение, принципиальное для ДНР: массовая миграционная убыль населения [1] означает, что реализация любых мероприятий Стратегии столкнется с дефицитом рабочей силы. Между тем Стратегия не предусматривает ни мер по привлечению и закреплению населения, ни связи экологической реабилитации с возвратной миграцией, ни оценки демографической емкости планируемых объектов туристско-рекреационной инфраструктуры. В результате кадровое и демо-

графическое обеспечение Стратегии остается нормативно не заполненным, что создает риск декларативности значительной части ее мероприятий.

6. Риски исключения ДНР из развития рыбохозяйственного комплекса. Стратегия предусматривает выпуск молоди осетровых и возможный ежегодный промышленный вылов рыбы. Несмотря на упоминание ДНР в п. 50, документ не конкретизирует размещение рыболовных предприятий, объемы выпуска молоди, квоты на вылов и объемы финансирования в разрезе региона. При отсутствии данной детализации ДНР рискует оказаться на периферии программы, уступив приоритет регионам с уже действующей инфраструктурой.

7. Внутреннее противоречие в части авиационной инфраструктуры. Документ констатирует необходимость восстановления аэропортов Донецка и Мариуполя (раздел III), однако план мероприятий, включая развернутый транспортный блок (п. 54–60), не содержит ни сроков, ни ответственных исполнителей, ни механизма координации в части аэропортов. Это внутреннее противоречие создает риски транспортной изоляции и недостижения целевых показателей по туризму.

Предлагаются следующие рекомендации по устранению выявленных недостатков:

1. Разработка субъектовой стратегии ДНР (устранение институционального пробела системы). Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о наличии институционального разрыва в системе стратегического планирования применительно к ДНР. Установлено, что отсутствие субъектовой стратегии социально-экономического развития нарушает иерархическую полноту модели стратегического управления, предусмотренную логикой стратегирования, и снижает степень вертикальной координации документов. В качестве обязательного структурного элемента субъектовой стратегии следует предусмотреть подпрограмму демографической стабилизации ДНР, включающую меры по привлечению и закреплению населения, поддержке возвратной миграции и демографическому обеспечению планируемых объектов инфраструктуры.

2. Устранение пробелов вертикальной и горизонтальной координации. Для обеспечения вертикальной согласованности документов предлагается: включить в план мероприятий Стратегии Приазовья отдельное мероприятие – «Разработка региональных планов реализации Стратегии для новых регионов Российской Федерации»; предусмотреть в данных планах детализацию мероприятий по муниципальным образованиям ДНР, механизмы софинансирования из республиканского бюджета и включение показателей Стратегии в систему оценки эффективности органов исполнительной власти ДНР. Необходимо также предусмотреть трехлетнюю синхронизацию плана мероприятий Стратегии Приазовья с федеральным бюджетным циклом в части мероприятий, реализуемых на территории ДНР, с установлением контрольных точек финансирования на каждый трехлетний период. Для обеспечения адресного мониторинга реализации мероприятий Стратегии Приазовья применительно к ДНР предусмотреть формирование цифровой панели мониторинга с детализацией ключевых индикаторов на уровне субъекта и муниципальных образований, интегрированной с федеральными системами стратегического контроля. Для обеспечения горизонтальной

координации предлагается создать межведомственный координационный механизм между ответственными исполнителями проанализированных документов в части мероприятий, реализуемых на территории ДНР.

3. Необходимость содержательной корректировки плана мероприятий Стратегии Приазовья применительно к ДНР по ряду направлений. В сфере экологической реабилитации анализ выявил временные несоответствия: установленные сроки инвентаризации объектов накопленного вреда и разработки проектной документации по шахтным водам не учитывают специфику постконфликтного восстановления территории. Помимо этого, существующий перечень мероприятий не предусматривает создания специализированной научно-практической площадки по технологиям рекультивации терриконов и постиндустриальных территорий, потребность в которой для ДНР очевидна.

По транспортному направлению в плане мероприятий отсутствует проработка вопроса восстановления аэропортовой инфраструктуры Донецка и Мариуполя, тогда как аналогичные позиции по морскому транспорту в документе присутствуют, что свидетельствует о непоследовательности отраслевого охвата. В кадровом блоке не предусмотрены программы профессиональной переподготовки работников угольной промышленности применительно к задачам экологической реабилитации, несмотря на то, что именно эта отрасль является основным источником экологических рисков на территории ДНР. По рыбохозяйственному направлению мероприятия сформулированы без учета потенциала территории ДНР: в них отсутствует оценка возможности развития рыбоводства и не предусмотрено базирование научно-исследовательского флота в порту Мариуполь. Наконец, система мониторинга Стратегии лишена субъектовой детализации целевых показателей, что делает невозможной объективную оценку результативности ее реализации на уровне конкретных регионов, включая ДНР.

Заключение

Проведенный анализ показал, что отсутствие субъектовой стратегии превращает систему в конструкцию с пропущенным уровнем, при которой макрорегиональные ориентиры не транслируются в специфику региональной экономики, а программные мероприятия лишены долгосрочной стратегической рамки. При этом макрорегиональный уровень не способен заменить субъектовый: Стратегия Приазовья оперирует агрегированными показателями и отраслево-экологическими приоритетами, тогда как субъектовая стратегия призвана формировать целостную модель долгосрочного социально-экономического развития конкретного региона, определять траекторию его структурной трансформации и обеспечивать вертикальную связность документов планирования. Устранение данного институционального разрыва является не просто одной из практических рекомендаций, но условием системной состоятельности всей конфигурации стратегического управления ДНР.

В теоретическом плане полученные результаты позволяют уточнить оценку российской модели макрорегионального стратегического планирования. Если в научной литературе она характеризуется как институционально фрагментированная и преимущественно нормативная по форме [10, 11], то анализ примени-

тельно к ДНР демонстрирует предельный вариант данной конфигурации – ситуацию, при которой макрорегиональный уровень не компенсируется субъектовым, что приводит к разрыву в цепочке трансляции стратегических приоритетов. Тем самым случай ДНР не только подтверждает общесистемные выводы, но и расширяет их, выявляя пределы адаптивности действующей модели стратегического управления.

Список источников

1. Шахов О. Ф. Предпосылки улучшения социально-демографической ситуации Большого Донбасса // *Международная экономика*. 2025. Т. 22, № 1. С. 67–80. DOI: 10.33920/vne-04-2501-05
2. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Восстановление и социально-экономическое развитие Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2023 г. № 2255 // *КонсультантПлюс*: [сайт]. Москва, 1990–2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466292/ (дата обращения: 05.03.2026).
3. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // *КонсультантПлюс*: [сайт]. Москва, 1990-2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 05.03.2026).
4. Российская Федерация. Нормативные документы. Об утверждении Стратегии устойчивого развития Приазовья на период до 2040 года и плана мероприятий по ее реализации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2025 г. № 4140-р // *КонсультантПлюс*: [сайт]. Москва, 1990-2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523798/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 05.03.2026).
5. Бурак П. И., Топилин А. В. Трансформация системы стратегического планирования социально-экономического развития страны и регионов: поиск новых методов и организационных решений // *Вестник РАЕН*. 2021. Т. 21, № 2. С. 4–10. DOI: 10.52531/1682-1696-2021-21-2-4-10
6. Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Стратегическое планирование регионов Российской Федерации: вопросы пространственного развития // *Управленец*. 2023. Т. 14, № 6. С. 50–62. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-4
7. Российская Федерация. Законы. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // <http://www.kremlin.ru>: [сайт]. Москва, 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (дата обращения: 05.03.2026).
8. Бухвальд Е. М., Валентик О. Н. Как отразить проблематику безопасности в новой стратегии пространственного развития Российской Федерации? // *Экономическая безопасность*. 2024. Т. 7, № 1. С. 9–26. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120228
9. Антипин И. А., Власова Н. Ю. Стратегическое планирование развития территорий в условиях неопределенности // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2022. № 12-1. С. 5–10. DOI: 10.17513/vaael.2608

10. Бухвальд Е. М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // *Управленец*. 2020. Т. 11, № 6. С. 2–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-1
11. Антипин И. А., Власова Н. Ю., Иванова О. Ю. Стратегические приоритеты управления пространственными диспропорциями социально-экономического развития регионов России // *Управленец*. 2020. Т. 11, № 6. С. 28–43. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3
12. Бурак П. И. Государственное планирование как инструмент реализации экономической политики России в новых геостратегических условиях // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2023. Т. 242, № 4. С. 54–78. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-242-4-54-78

References

1. Shakhov O.F. Prerequisites for improving the socio-demographic situation of Greater Donbass. *International Economics*. 2025; 221(1): 67–80. DOI: 10.33920/vne-04-2501-05
2. Russian Federation. Regulatory documents. On the approval of the state program of the Russian Federation "Reconstruction and Socio-Economic Development of the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhzhia Oblast and the Kherson Oblast": Decree of the Government of the Russian Federation of December 22, 2023, No. 2255. *ConsultantPlus*: [website]. Moscow; 1990–2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466292/ (accessed date: 05.03.2026).
3. Russian Federation. Regulatory documents. On the approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2030 with a forecast until 2036: Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024, No. 4146-r. *ConsultantPlus*: [website]. Moscow; 1990–2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed date: 05.03.2026).
4. Russian Federation. Regulatory documents. On the approval of the Sustainable Development Strategy for the Azov Region for the period until 2040 and the action plan for its implementation: Order of the Government of the Russian Federation of December 29, 2025, No. 4140-r. *ConsultantPlus*: [website]. Moscow; 1990–2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_523798/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed date: 05.03.2026).
5. Burak P. I., Topilin A. V. Transformation of the strategic planning system for socio-economic development of the country and regions: in search of new methods and organizational solutions. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*. 2021; 21 (2): 4–10. DOI: 10.52531/1682-1696-2021-21-2-4-10
6. Antipin I. A., Vlasova N. Yu., Ivanova O. Yu. Strategic planning of Russian Federation regions: spatial development issues. *The Manager*. 2023; 14 (6): 50–62. DOI: 10.29141/2218-5003-2023-14-6-4
7. Russian Federation. Laws. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014, No. 172-FZ. *kremlin.ru*: [website]. Moscow; 2014. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (accessed date: 05.03.2026).
8. Bukhvald E. M., Valentik O. N. How to reflect security issues in the new Spatial Development Strategy of the Russian Federation? *Economic Security*. 2024; 7 (1): 9–26. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120228

9. Antipin I. A., Vlasova N. Yu. Strategic planning of territorial development under uncertainty. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2022; (12-1): 5–10. DOI: 10.17513/vaael.2608
10. Bukhvald E. M. Managing the spatial development of the Russian economy: goals and instruments. *The Manager*. 2020; 11 (6): 2–14. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-1
11. Antipin I. A., Vlasova N. Yu., Ivanova O. Yu. Strategic priorities for managing spatial disparities in the socio-economic development of Russian regions. *The Manager*. 2020; 11 (6): 28–43. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-6-3
12. Burak P. I. State planning as an instrument for implementing Russia's economic policy under new geostrategic conditions. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023; 242 (4): 54–78. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-242-4-54-78

Информация об авторе:

Котов Евгений Валериевич, канд. экон. наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Центра организации научных исследований Донецкого филиала РАНХиГС, г. Донецк, kotov-ev@ranepa.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2026-21/035-048>

EDN: <https://elibrary.ru/TIGIUO>

Дата поступления:
16.03.2026

Одобрена после рецензирования:
27.03.2026

Принята к публикации:
15.05.2026